

МАНАС

(краткий прозаический пересказ)

РОЖДЕНИЕ И ДЕТСТВО МАНАСА

Многие земли были подвластны хану кыргызов, мудрому Ногою. Слава о нем разнеслась далеко. Но пришло время, и хан Ногой оставил этот мир. Тогда на кыргызов напали кытай. Рассеяли народ по разным местам, как куропаток, а вместе с ним и сыновей покойного хана. Предводители кытаев опасались того, что сыновья Ногой-хана Орозду, Бай, Усен и Жакып, если будут жить рядом, то объединятся и станут угрожать государству кытаев. Младшего из братьев — Жакыпа выдворили на Алтай. Там он стал малаем — слугой калмакского богача Боена и его сына Чаяна. За верную службу Чаян женил Жакыпа на своей дочери Бакдоолёт. Стала она токол — младшей женой Жакыпа.

После смерти Боена и Чаяна прижился Жакып на Алтае, занял пустующие земли и быстро разбогател. Богатство его пополнялось, будто озеро от талых вод. Одних только лошадей у него было сорок тысяч. Но незаметно прибавлялись и годы Жакыпа. Исполнилось ему сорок восемь лет, а детей у него так и не было. Он горевал, ездил на поклонение к мазарам — святым местам, взывал к Богу: «О Всевышний, что проку от моего добра, коль нет у меня сына — наследника!»

Однажды он объезжал свои просторные пастбища с тучными стадами и снова задумался над тем, кому достанется все его богатство, и впал в уныние. Терзаемый грустными мыслями, он вернулся домой и, ни на кого не глядя, молча улегся.

Старшая жена Чыйырды спросила:

— Что с тобой?

— Эх ты, неразумная женщина, — отвечал Жакып, — нет у нас сына, тебя обзывают бесплодной, а меня — бездетным стариком. Люди над нами посмеиваются. А у тебя ни забот, ни тревог!

Обиду и печаль испытала Чыйырды от этих слов. Беззвучно жалуясь Богу на свою судьбу, она сжалась в комок возле джука — укладки одеял и вскоре заснула. Снился ей странный сон. Откуда ни возьмись, перед ней предстал белобородый старец и изрек: «Мольба твоя дошла до Всевышнего, велено тебе не плакать». С этими словами он протянул ей белое яблоко слаще меда. Съела яблоко Чыйырды — разрешилась драконом длиной шестьдесят сажений, села на него и поехала, как на лошади. А старец сказал еще: «Вот тебе красное яблоко, — это будет дочка», — и вдруг исчез так же внезапно, как явился. Вот какой приснился сон!

Чыйырды проснулась и поспешила разбудить мужа, чтобы рассказать о своем сне. Жакып приподнялся и сам начал радостно сообщать ей о своем удивительном сне. Приснилось ему, что поймал он диковинного сокола с булатными шпорами, с белыми сверкающими перьями, с клетотом, не похожим на обыкновенный клетот ловчей птицы. Младшая жена Жакыпа Бакдоолёт тоже, оказалось, видела во сне двух ловчих птиц на насесте в своем доме.

По желанию жен бай Жакып устроил пир с соблюдением обычая «туле» — предназначения. Пир предназначался толкованию снов. Жакып попросил за-

держаться родственников и соседей после отъезда всех других гостей, пригласил их в дом и рассказал о том, что приснилось ему и его женам. Сосед Байджигит растолковал, что сны предвещают рождение сына и дочери у Чыйырды, двух сыновей у Бакдоолёт. «Сын Жакыпа от Чыйырды станет богатырем», — предсказал Байджигит.

Через два года Чыйырды почувствовала беременность и вскоре возымела неодолимое желание съесть сердце тигра. Прознав, что охотник из рода кангай убил тигра, она послала к нему табунщика Бодолбая, и тот привез сердце зверя. Чыйырды утолила свою прихоть. Через девять месяцев и девять дней у нее начались предродовые схватки. И продолжались они тоже девять дней. На девятый — женщины, помогавшие при родах, сообщили Жакыпу, что сегодня Чыйырды должна родить. Услышав это, бай Жакып отправился в горы и велел приближенным, если родится сын, найти его и сообщить радостную весть.

По пути, неподалеку от своего стойбища, попался Жакыпу косяк лошадей. Он заметил, что саврасая кобыла из косяка готовится рожать, и стал наблюдать за ней. «Если Чыйырды родит сына, — загадал Жакып, — то жеребенка от этой кобылы предназначу ему». Саврасая принесла жеребчика, и бай Жакып стал выхаживать его.

Разрешилась Чыйырды-байбиче сыном. Новорожденный держал в кулаках сгустки крови. Плач его был слышен на расстоянии ходки стригунка. Голос был могуч и устрашающ. Когда женщины стали поднимать его, барахтающегося на полу, не смогли сладить с ним. Дали, как принято, отведать топленого масла, он в три приема проглотил масло из трех кутырей.

Аильчане пустились искать Жакыпа, чтобы получить от него суюнчу — вознаграждение за радостную весть. По настоянию своей жены отправился на поиски Жакыпа и друг его Акбалта. Так вот, этот Акбалта и нашел Жакыпа, присматривавшего на пастбище за жеребенком саврасой. Бай Жакып одарил Акбалту множеством золотых монет и скотом. Они спустились в аил и вошли в дом Чыйырды. Бай Жакып взял из рук жены сына, осмотрел его. И увидел он, что у сына голова вытянутая, лоб широкий, глаза посажены глубоко, ресницы длинные, взгляд отважный, нос с горбинкой, рот большой, губы толстые, подбородок круглый. Грудь у него широкая, спина мощная, шея крепкая, руки сильные. Вот такой богатырский сын родился у бая Жакыпа!

Обрадовался бай Жакып: сын у него, наконец! Созвал он много народу, сородичей близких и дальних, друзей и даже недругов и устроил обильный пир.

Во время торжества, как положено, он обратился к присутствующим с просьбой наречь сына именем. Никто не смог подобрать подходящее имя. Вдруг неожиданно появился никому не известный странник-дувана и назвал новорожденного именем Манас. «Да убережет Всевышний Манаса от всяких бед!» — благославил дувана. Всем понравилось имя Манас. «Хорошее имя, благозвучное имя!» — обрадовались родители. А дуваны внезапно не стало. Был это Кыдыр — святой праведник.

Бай Жакып и Чыйырды растили сына, балуя. Манас рос буйным и непоседливым озорником. Соберет вокруг себя аильных ребят и устраивает озорные игры, или ни с того ни с сего поколотит странствующего дервиша, или без причины обидит кождо — почтенного человека. Немало огорчений доставил озорник Манас своим родителям. И решили они отдать его пастуху Ошпуру в подпаски.

Пусть испытает голод и сытость, поймет, где добро, а где зло. Пусть познает тяготы жизни. И сделался Манас подпаском. На пастбище в один из дней к нему явились сорок духов-чилтенгов и обещали свою помощь во всех его делах.

Но буйное озорство не улеглось у Манаса. Ошпур стал просить, чтоб забрали Манаса домой, и бай Жакып поехал за ним. По пути из пастбища в аил к Жакыпу пристали калмакские дозорные. Они обвинили бая Жакыпа в нарушении границ чужого пастбища и вознамерились примерно наказать его. Предводитель калмаков Кортук свирепо ударил Жакыпа нагайкой. Манас заступился за отца и нанес Кортуку удар укрючиной. Тот мгновенно испустил дух. Калмаки стали требовать выкуп за убийство Кортука, их войско напало на табуны бая Жакыпа.

Но во главе с Манасом кыргызы прогнали калмаков. Слухи о силе кыргыза по имени Манас дошли и до верховного хана кытаев Эсенкана. Донесли о нем алтайские калмаки. Эсенкан под видом купцов послал своих силачей, чтобы они испытали, кто он, этот Манас сын Жакыпа. Было велено, если представится случай, схватить его и доставить к Эсенкану.

Манасу в это время шел одиннадцатый год, он жил среди табунщиков, помогал им и время от времени устраивал игру в бабки — орда. Силачи под видом купцов на сорока верблюдах увидели Манаса и его сверстников как раз в момент игры в орда. Они пытались схватить его, но в потасовке были истреблены. Сорок верблюдов и товар Манас раздал народу.

Прослышал и богатырь Нескара, что среди кыргызов на Алтае появился Манас. Он задумал пленить его, пока тот еще не возмужал, не достиг зрелого возраста и полной силы. Его войско двинулось на Алтай против кыргызских аилов, но встретило сопротивление и потерпело поражение. Сам Нескара едва спасся бегством. Сказывают, что в этом сражении кыргызам во главе с Манасом помогали казахи, монголы и манжу. Весть о Манасе дошла до уйгурских правителей с титулом «дуду». Они отправили одиннадцать силачей на Алтай для захвата Манаса.

Манас же со сверстниками проводил время на охоте и повстречал праведника по имени Абунасир. Было ему 650 лет. По велению Пророка он ждал появления Манаса. Праведник Абунасир вручил Манасу подарки Пророка — меч Ачалбарс и ружье Ак-кельтэ и обратил его в исламскую веру. Между тем одиннадцать силачей-дуду ворвались в аил Манаса. Он, возвращаясь с охоты, вступил с ними в схватку. Взял верх, но не стал лишать жизни, а наказал каждого. У кого отрезал ухо, у кого — нос, одному выбил глаз, другому свернул челюсть — всем досталась отметина. Взвалил Манас на коней побитых силачей, погнал назад и велел жаловаться на него их ханам. После этой расправы бай Жакып собрал старейшин всех соседних родов и обратился к ним с такой речью:

— Мы нажили немало врагов. Сохрани, Господь, но они могут напасть на нас, недалеко до беды. Так давайте же объединимся, умножим наши силы!

Жакып предложил избрать хана. Все согласились с ним, но каждый из присутствующих не хотел уступить место хана другому. Положение было безвыходное. Тогда молодые сказали собранию:

— Вы как хотите, а мы на охоте уже избрали своего хана. Мы избрали Манаса!

Старейшины поддержали молодых, присутствовавшие подняли Манаса на белой кошме; пронесли три раза по кругу и облачили в шапку с ханским знаком.

СРАЖЕНИЕ С ДУДУ

Манас отправился к деду по матери, хану сары-ногоев Эштеку, чтобы поклониться, как подобает внуку. Но дорогу преградило стодесятитысячное войско одиннадцати дуду, у каждого по тумену. Огромное войско двигалось на земли кыргызов и по пути напало на народ сары-ногоев, стало грабить его. Эштек, хан сары-ногоев, не имел таких сил, чтобы противостоять грабителям, и со своим народом отступил в горное ущелье, в узком месте перекрыл дорогу и вступил в бой с врагами. Случилось так, что с противоположной стороны ущелья на дороге стал Манас со своими дружинниками-чоро и вызвал подмогу из своих айлов.

Войско одиннадцати дуду попало в окружение, пыталось вырваться, но потерпело неудачу. Принято было у этого народа не сдаваться, попав в окружение, и все воины уничтожили себя самосожжением. Эштек с сыном Жамгырчи встретили Манаса во главе войска и с почестями приняли дорогих гостей.

Манас предложил:

— Одиннадцать дуду не раз нападали на нас. Пойдем на них войной, избавимся от притеснения. Даст Бог, победим. А суждено умереть — умрем за правое дело.

Все поддержали Манаса, и войско выступило в поход. Присоединился и Жамгырчи с сары-ногоями. Помогал Манасу в сражении с уйгурскими дуду богатырь племени катаган великан Кошой из местности Атбаши. В поединке никто не мог его одолеть: глаза у него горели, как утренняя звезда, а уши у него были, словно щит. В сражении победил Манас. Бросив своих людей, сбежала в Бейджин женщина-богатырь Оронгу. Бакай в единоборстве одолел Каип-дана, народ его разбежался. Дочь Каип-дана Карабёрк — меткий стрелок из лука — со своими сорока прислужницами прикрывала бегущих, преградив дорогу кыргызскому войску. Многих сразили ее стрелы. Ранила она и Бакая. Но подоспел Манас и пленил Карабёрк. Красота Карабёрк покорила Манаса, и он попросил у Каип-дана руки его дочери. Два народа — кыргызы и уйгуры — заключили мир. Каип-дан, став ханом уйгуров, устроил торжества: тридцать дней длились игры, сорок дней пировали. Дочь Карабёрк он выдал в жены богатырю Манасу с богатым приданым. Убранство подаренной юрты полдня воспевал певец по имени Жайсан.

Манас со своим войском и красавицей-женой возвратились на родную землю. Чыйырды-байбиче встретила невестку, по обычаю вылила в огонь масло — благословила очаг молодой семьи. Вторая свекровь Бекдоолёт совершила обряд «отко киргизю» («утка керетеу». — **А.С.**) — ввод невестки в дом новых родственников. Карабёрк, смущенная тем, что ранила старшего родственника Бакая, не показывалась ему на глаза. Многим понравилась учтивость невестки. С тех пор у кыргызов по обычаю невестка учтиво стесняется старших родственников мужа.

ОСВОБОЖДЕНИЕ АЛА-ТОО ОТ ЗАХВАТЧИКОВ

Бай Жакып собрал всех старейшин, живущих на Алтае: Айдаркана, сына Камбара, Эштека из сары-ногоев, Таза из кыпчаков, Акбалту из ношуттов, Чагоо из ногайцев, Кара-коджу из аргынов, Каракесека из алчынцев. Пригласил аксакалов-мудрецов, предводителей родов, сыновей именитого отца в третьем-четвертом поколении и обратился к ним с речью:

— Нашим врагом стал грозный хан Эсенкан, после того как мы разгромили его подданных — одиннадцать дуду, нанесли удары калмакам. Со всех сторон нас окружают неприятели. Я опасуюсь, как бы однажды они не объединились и не напали на нас. Боюсь, если такое случится, они истребят кыргызов, и не останется у нас потомков. Мы небольшой народ, будто Уркер (Өлкөр. — **А.С.**) — созвездие Плеяды на звездном небе. Не лучше ли нам перекочевать в Ала-Тоо, на родину предков? Там и поныне живут кыргызы.

Мудрецы держали слово, спорили, совещались. Одни укоряли Жакыпа за то, что он хочет лишиться их такой благодатной земли, как Алтай. Другие поняли речь Жакыпа как предостережение перед опасностью. Подошел на совет Манас и произнес:

— Не пристало нам бояться врагов. Были бы у них силы, не упустили бы они случая расправиться с нами. Но скажу о другом. Землю предков захватили кытай, они и сейчас владеют нашей землей. Враги с миром не пропустят нас в родные места. Не лучше ли идти туда подготовленными к борьбе и победе? А после, кто хочет перекочевать, вернуться в Ала-Тоо, может сделать это.

Всех убедил Манас. Были назначены сборы войска. По велению бая Жакыпа принесли в жертву белую кобылицу, а на холме водрузили красное знамя с золотым полумесяцем, которое осталось от прадеда Бабыр-хана. Обращаясь к Всевышнему, Жакып просил его быть милостивым к кыргызам, даровать удачу в походе.

Начали прибывать богатыри с отрядами, чтобы слиться с войском. Желающих принять участие в походе оказалось множество. Бесстрашный Манас объехал собравшихся. Стариков и немощных, неокрепших юношей, больных и увечных он поблагодарил и отправил по домам. В войске остались воины, готовые к схватке с грозным врагом. Таких оказалось шестьсот тысяч. От их мощи прогибалась земля, тучи пыли, поднятые всадниками, закрыли солнце. Двигались полчища, колыхались головы, сверкали пики.

Войско Манаса победило Текесхана в Текесе, хана Орго на Кер-Куле, низложило хана Пануса в Ташкене и назначило на его место Кокетея. Войско Манаса освободило земли, принадлежавшие кыргызским родам и племенам. «Теперь можно перекочевать в Ала-Тоо», — заключил Манас и довольный отбыл на Алтай.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КЫРГЫЗОВ ИЗ АЛТАЯ В АЛА-ТОО

Год прожил Манас на Алтае. В один из дней он послал гонцов к старейшинам родов и племен, находившихся под его ханской властью, с просьбой прибыть на совет. Приехало много людей, мудрых старцев, представителей всех родов и племен. Манас обратился к ним:

— Исконные земли наших предков — Анжиян и Алай, я решил перекочевать в родные края. Никого не неволю. Вы можете откочевать и в другие места, освобожденные от захватчиков. А кто хочет, может остаться на Алтае.

Были и такие, кто не захотел покидать привольные алтайские края.

— Зачем нам кочевать? — говорили от их имени старики. — Пусть кочуют Кокче и Урби, у которых родичи жен там. А нам-то зачем, у Манаса в Ала-Тоо нет родичей со стороны жены.

Старики намекали на то, что Кокче и Урби во время похода взяли в жены дочерей побежденных калмакских ханов. Но большинство из тех, кто был в походе с Манасом, особенно молодые воины, пожелали перебраться в Ала-Тоо.

Люди разъехались по аилам готовиться к перекочевке. Вскоре торжественно, с поклажей на верблюдах-нарах, убранных дорогими коврами, кыргызы отправились в неблизкий путь. Кыпчаки во главе с Урби обосновались в Эки-Кемине. Казахи под предводительством Айдаркана и Кокче облюбовали местность Сары-Арка. Манас со своими сородичами остановился в предгорьях Кара-Тоо. Народ стал обживаться в родных краях.

Но хан кытаев Алооке задумал изгнать кыргызов и собрал для этого многочисленное войско. Анжиянские кыргызы оповестили Манаса о приготовлениях Алооке. Тогда Манас в сопровождении дружинников-чоро поехал в ставку хана Алооке, расположенную в Анжияне. Хан Алооке был человеком прозорливым, разбирающимся в людях, понимающим суть событий. Увидев Манаса, он понял, что никто не может ему противостоять. И без боя и крови покорился Манасу, отдал в заложники, как принято, сына Бооке. В урочищах Кундуз, Талкан, Кара-Тегин на южных склонах проживал народ колча, правителем у которого был Шорук. Он прослышал, что кыргызы оказались в Ала-Тоо, потому что бежали от Эсенкана. Жадность ослепила Шорука: он задумал напасть на аилы кыргызов, нажиться их добром и прогнать подальше от своих владений. На верблюдах с пиками и булавами наизготовку воины Шорука вторглись к мирным кыргызам и стали их грабить. Хан нойгутов Акбалта обратился к Манасу за помощью. Манас со своим войском настиг Шорука и его людей, когда они, разграбив кыргызские аилы, возвращались с добычей домой. Завязалась битва, и войско Шорука потерпело поражение. Оставшиеся в живых обратились в бегство. Манас окружил ставку Шорука, и тому ничего не оставалось, как сдаться победителям. В знак покорности Шорук отправил Манасу дочь свою Акылай и с ней сорок девушек и богатые дары. Красавица Акылай стала юной женой Манаса. Кыргызы с добычей возвратились в предгорья Кара-Тоо.

А тем временем Алооке, опасаясь Манаса, с приближенными кытаями и калмаками сбежал в Бейжин, земли вокруг Анжияна освободились. Манас не стал преследовать беглецов.

СКАЗ О АЛМАМБЕТЕ

Хан народа тунца почтенный Соорундук достиг пятидесяти четырех лет, а детей не имел. В отчаянии молил он идолов даровать ему детей. А жена его между тем незаметно зачала ребенка и через девять месяцев и девять дней родила мальчика. Он появился на свет с проколотой мочкой уха и обрезанным по мусульманскому обряду. Соорундук устроил пир, предназначенный для наречения имени. Гости предлагали разные имена, но появился неизвестно откуда дувана с посохом и нарек мальчика именем Алмамбет. Соорундук смущенно подумал: «Имя почему-то не такое, как у кытаев». Но все согласились. Ведь дувана был Кыдыром — святым праведником. Алмамбет рос смышленным и любознательным. С шести лет он стал учиться у дракона магическим наукам. В четырнадцать лет он отличался глубоким умом и достойным поведением, и Соорундук уступил ему ханский престол. Было Алмамбету шестнадцать лет, когда на охоте встретился он с казахским ханом

Кокче, и тот поведал ему о канонах ислама, о Коране и пророке Мухаммеде. Алмамбет стал мусульманином. Возвратившись домой, он просил родителей обратиться к исламу. Соорундук в ярости назвал его вероотступником и приказал убить. От прислужников Соорундука Алмамбет спасся бегством и укрылся у хана Кокче, который, оказывается, дожидался его.

У казахов, благодаря своим достоинствам, Алмамбет стал пользоваться большим уважением. Всем он готов был прийти на помощь. И стар, и млад обращались к нему за советами. Это вызвало ревнивую подозрительность казахских правителей. Еще бы! Чужак, прилудный в большем почете, чем они. Сговорившись, они напоили хана Кокче араком и нашептали, что его жена Акеркеч сошлась с Алмамбетом. Недалекий и вспыльчивый Кокче поверил и жестоко оскорбил Алмамбета, назвав его недостойным беглецом и чужаком. Алмамбет не вынес обиды и покинул ставку Кокче.

А бесстрашному богатырю Манасу в это время приснилось, будто едет он по дороге и находит алмазный меч в золотых ножнах длиной в три аршина с острым загнутым лезвием, утолщенный с тупой стороны. Испытал он меч: одним ударом рассек придорожный черный камень, как печень. Взял его Манас и двинулся дальше, а меч обратился в тигра и сопутствовал ему. Потом тигр стал соколом, ловчая птица взлетела и опустилась на руку богатыря. «Что бы это значило? — подумал Манас, проснувшись, — к чему это все?» Утром он попросил истолковать диковинный сон. Дружинник-чоро Аджибай сказал, что сон предвещает встречу Манаса с ханом Алмамбетом, который станет ему верным соратником. Манасу понравилось толкование Аджибая, и он поставил его главой пяти тысяч юртов.

Напрасно три дня и три ночи Алмамбет ожидал, что Кокче одумается и призовет его. Этого не случилось, и Алмамбет побрел на закат, сам не зная куда.

А Манас в это время устроил охоту и появился в Таласе. Три дня наслаждался богатырь красотой Таласской долины. Перед отъездом взобрался он на гребень возвышенности и посмотрел в подзорную трубу. Он увидел вдалеке путника, необычного по облику и одежде. Манас догадался, что это, должно быть, Алмамбет, и наказал дружинникам-чоро торжественно встретить его. Это, действительно, оказался Алмамбет. Его приняли подобающим образом, устроили скачки. Манас щедро преподнес ему свои боевые доспехи, ружье Ак-кельтэ, меч Ачалбарс, девять скакунов и коня Аккулу, предложил остаться у него. Алмамбет согласился с предложением Манаса и с благодарностью отказался от щедрых подарков. По возвращению в аил мать Манаса Чыйырды встретила Алмамбета и совершила обряд приложения к груди. Манас и Алмамбет стали молочными братьями. Как положено, был устроен пир. В разгар пира Манасу пришлось на ум женить Алмамбета. Стал он объезжать и спрашивать гостей о девушках-невестах в их аилах, выбирать достойную Алмамбета, который стал жить у бая Жакыпа.

Как-то нужно было ему встретиться с Манасом, и подъехал он к дому Карабёрк. Поздоровавшись, он спросил у жены Манаса:

— Не здесь ли богатырь?

— Он у меня редкий гость, — ответила Карабёрк. — Может, у своей ненаглядной...

Алмамбет не придал значения издевке, уточнил:

— А кто же ненаглядная Манаса?

Нехорошо рассмеялась Карабёрк:

— Разве ты не знаешь непутевую дочь Шорука, которая зовется Акылай? Это ведь твоя джене — тетя, разодетая в шелка. Наверное, твой богатырь у нее. Ко мне он не заходит.

Алмамбету не понравился ответ Карабёрк, и поехал он к дому Акылай.

— Есть ли кто здесь? — окликнул он, не заходя в дом.

— Да кто ты такой, что спрашиваешь, не спешившись? — услышал он.

— Я — Алмамбет. Нет ли здесь богатыря Манаса?

Акылай, и не подумав встать навстречу приезжему мужчине, съязвила:

— Твой богатырь не может оторваться от Карабёрк. Ему трудно без спроса у нее куда-то выехать.

Алмамбета огорчили глупые и ревнивые жены Манаса. «Нет у него достойной жены, — подумал он, — он при своих женах, оказывается, холостяк».

Раздосадованный Алмамбет возвратился в аил Жакыпа. Вскоре приехал и Манас.

— Где ты пропадал? — заворчал Жакып. — Мой Алмамбет поджидает тебя.

— Так ведь я сыну твоему Алмамбету невесту подыскивал. Что ему ходить в холостяках!

Алмамбет услышал и усмехнулся:

— Обо мне что говорить! Я одинок. А ты, Манас, со своей широкой натурой не обращаешь внимание на поведение Карабёрк и Акылай. Называешь их же-нами. На самом деле нет у тебя достойной жены, ты, оказывается, холостяк.

— Правду говоришь, — бросил коротко Манас и, стеганув коня по холке, свернул в сторону.

ЖЕНИТЬБА МАНАСА НА КАНЫКЕЙ

Задели Манаса слова Алмамбета, и он высказал отцу свою обиду:

— Ты не женил меня по обычаю, как подобает кыргызу, пожалел свое добро и скот, не исполнил, отец, свой долг. Ты же знаешь, что Карабёрк, дочь Каин-дана, я пленил, а Акылай досталась мне в подарок от ее отца за его вину перед народом кыргызов.

Бай Жакып выслушал сына и покорно отправился на поиски невесты. Объездил он разные края, но так и не нашел подходящей девушки. На обратном пути он заехал в город Кейип и увидел там Санирабигу, дочь славного хана Темира. Она с первого взгляда пришлась по душе баю Жакыпу, и он стал сватать ее за своего сына. Темир-хан же не хотел выдавать свою любимую дочь за кыргыза-кочевника. Сказать об этом прямо не мог и потому потребовал несусветный калым — множество джамбы — слитков золота и серебра, огромные табуны и отары, подобранные по масти животных, и многое другое, что трудно перечислить. Рассчитывал Темир-хан, что тем самым отвяжется от новоявленного свата. Бай Жакып вернулся в свой аил, созвал сородичей и сообщил о калыме, запрошенном Темир-ханом. Сородичи решили не посрамиться и привели верблюдов одной масти с черной головой, вороных лошадей с белой гривой даже намного больше, чем затребовал Темир-хан. С тех пор повелось у кыргызов рассчитывать на помощь родственников при женитьбе сына. Родители и многочисленные родственники явились к Темир-хану сватать дочь. Уплатили калым намного больше запрошенного и женили на красавице Санирабиге. После вступления в брак с ханом Манасом имя ее стало Каныкей. Сорок дружинников-чоро взяли в жены сорок подруг-прислужниц Каныкей.

Славный хан Темир устроил невиданный пир по случаю бракосочетания дочери, после чего торжественно проводил ее и зятя.

МАНАС И КЁЗКАМАНЫ

Когда кытаи рассеяли, как куропаток, сыновей хана Ногоя, Усен — его третий сын, очутился в местности под названием Жуу-Ша. Там у Усена умерла жена, оставив малолетнего сына Кокчокёза. Вскоре Усен женился на калмачке, и они прижили девять сыновей. Калмаки прозвали Усена Кёзкаманом — Кабаньим Глазом его собственное имя забылось. Кёзкаман как-то прослышал, что его племянник Манас — сын брата Жакыпа — вырос и стал могучим

богатырем, ханом кыргызов. Он решил перекочевать поближе к Манасу, под его защиту.

Манас приветливо встретил своих родственников, выделил им, как исстари заведено, долю имущества: скот, юрты, одежду — обеспечил всем необходимым. Но у сыновей Кёзкамана был свой расчет. Они задумали захватить власть, завладеть добром и женами Манаса. В один из дней они пригласили в гости Манаса и его сорок дружинников-чоро и во время трапезы подсыпали яду. Манас, отравленный, полуживой, пытался спастись бегством. Кокчокёз настиг его на горной тропе и ранил выстрелом из ружья. Манас упал с коня в пропасть.

Когда он там лежал беспомощный, к нему явился тигр и стал его со-товарищем. Он дал ему лекарство по названию «жот», излечивающее все недуги. Пришел к нему медведь и тоже стал сотоварищем, поднес ему лекарство «акдары» из корней целебных растений. В то же время сорок духов-чильтенов перенесли в безопасное место всех отравленных сорок дружинников-чоро. Манас, излеченный чудесным лекарством, нашел их в полном здравии неподалеку от Тогуз-Торо, направляясь домой. А ничтожные сыновья Кёзкамана, посчитав, что уже расправились с Манасом, появились в Таласе и устроили скандальный дележ чужого добра, смертельно поссорились и пошли друг на друга. Кончилось тем, что в поножовщине сами себя они истребили. С тех пор и бытует у кыргызов поговорка: «Кёзкамандарча бычакташ кыла», что значит «Кёзкаманская поножовщина».

ТРИЗНА ПО КОКЕТЕЮ

Хан Ташкена, несметный богач, почитаемый всеми кыргызами, старший Кокетей тяжело захворал, легкие застудил, кашлял кровью, страдал головной болью. Ожидая конца, повелел собрать своих родственников. Наказал он родственнику Баймырзе передать сыну Бокмуруну, отправившемуся за невестой, свое завещание:

— Когда я оставлю этот бранный мир, пусть мой сынок — Бокмурун со словами: «Умер бай Кокетей» не раскрывает врата хранилищ, где лежат сокровища; пусть не заботится о том, чтобы раздать народу золото и серебро; пусть не повелевает обмывать мое тело кумысом, соскабливать плоть с костей острой саблей, обертывать останки шелком и кожей; пусть со словами: «Умер бай Кокетей» не оповещает о моей смерти весь белый свет, не собирает людей со всех сторон земли; пусть не устраивает поминки, обременяя кыргызский народ; пусть похоронит без лишних хлопот, как хоронят старушку.

Остается золото и серебро, остается несметное множество скота, — пусть запомнит сын Бокмурун мудрость предков: «Богатство, нажитое одним, не даст наслаждения другим». У детей свой предначертанный путь — пусть знает об этом мой сын Бокмурун».

И еще добавил Кокетей:

— Что бы ни было, пусть посоветуется с нашим сородичем Манасом.

Легкой дымкой отлетела душа Кокетея.

Умер хан Кокетей. Вскрикнули все, кто находился при нем, с плачем со-общили другим. С тех пор у кыргызов повелось оплакивать умерших.

Возвратился Бокмурун, горько рыдал, причитал по отцу, сотрясаясь всем телом, будто прутик в текучей воде. Передал Баймурза Бокмуруну завещание и добавил: «Не пойму, шутил или всерьез говорил хан Кокетей». Бокмурун не знал, какие устроить поминки — скромные или невиданно пышные, и, сев на коня Мааникера, поехал за советом к Манасу. Посмотрел на опечаленного юношу сивогривый храбрец Манас и посоветовал ему собрать народ со словами: «Умер хан — мой отец», — ничего не пожалеть, чтоб остались в памяти потомков поминки по Кокетею.

— Твой отец был умудренным жизнью человеком. Говорил он иносказательно. Перечислял все, что не надо делать, с намеком, что ты исполнишь все наоборот.

Бокмурун принял совет Манаса: достойно похоронил отца, а через три года разослал гонцов на все стороны света, собрал все народы, о которых в предсмертном завещании сказал Кокетей, и устроил многодневную тризну в долине Каркыра. Главою был поставлен на тризне великан Кошой, а управлял всем сам Манас. Были вырыты тысячи очагов, забито тысячи голов откормленного скота. Были поминальные игрища на великой тризне по Кокетею. Были скачки на расстояние пяти дней езды. Было состязание в стрельбе по джамбы — слитку серебра на высоком шесте. Манас сбил джамбы и удостоился приза. Было роздано всем несметное богатство Кокетей.

Во время состязаний по пешей борьбе — куруещу ссору затеял калмак Джолой. Страшен был этот Джолой. Голова, как котел, ростом низок, а телом тучен, со ступнями величиной в дверь, с огромными вислыми щеками, с бровями, как две собаки, свернувшиеся в клубок. Съедал он шестьдесят батманов пшеницы — запах зерна шел от него. Шестьдесят силачей побивал — запах крови шел от него. На поминках проглотил Джолой несколько котлов мяса, насытился, наконец, задумал отобрать у Бокмуруна коня Мааникера, стал подбивать богатыря кытаев Конурбая против Манаса.

Вышел Джолой на круг, стал поджидать соперника, но никто не отважился бороться с ним. Не мог с этим примириться Кошой, посоветовался с Манасом и вышел на поединок с Джолоем. В пешей борьбе изловчился, подсек подножкой и уложил нечестивца на землю. А в состязании на пиках поединок свел Манаса с Конурбаем.

Страшен был богатырь кытаев: лицо — как вареные легкие, нос — как утес. Несколько раз устремлялись соперники друг на друга. Разъярился в схватке лев Манас, увидел незащищенное место возле шлема и нанес удар в висок. Свалился с коня Конурбай, растянулся на земле. Завершились и пятидневные скачки. Первым пришел саврасый Аккула — боевой конь Манаса и завоевал главный приз. Тризна близилась к концу, когда кыргызские ханы затеяли недоброе дело, обидевшись на Манаса за то, что он не советовался с ними, управляя ходом поминок по Кокетею. Решили они тучей накрыть Манаса и проучить его. Составился заговор ханов. Но мудрый Кошой образумил их: «Не подобает на тризне, где собрались не только друзья, но и недруги, устраивать раздоры. В другое время и я вместе с вами пойду против Манаса». Ханы согласились, взяв слово с Кошой.

Мирно завершилась тризна. Народ стал расходиться. Но кытаи и калмаки попытались угнать у кыргызов скот, предназначенный для призов.

Произошла стычка. Опять были посрамлены Джолой и Конурбай, кыргызы во главе с Манасом отбили свой скот, прогнали кытаев и калмаков. С тех пор, как только слышат кытаи и калмаки имя «Манас», от страха меняются в лице.

ВЕЛИКИЙ ПОХОД

Год прошел... Ханы, поссорившиеся с Манасом на поминках по Кокетою, явились к Кошою. Сказали ему: «Не понес Манас наказания за строптивость, в чем вы нас заверяли. Исполните обещанное. В прошлом году мы бы расправились с Манасом, или сами стали жертвами в сражении с ним, но вы дали совет не затевать ссору. Мы покорно согласились. Исполните обещанное!» Кошой им ответил: «Не я, а Всевышний создал таким Манаса. Недовольны — сразитесь с ним. А меня не трогайте, не потешайтесь, я старик!»

Покинули ханы Кошою, порешили между собой: «Обманул нас старик. Как быть теперь?» Посоветовались, заключили: «Разве у этого строптивного кровопийцы больше войска, чем у нас? Разве воины его храбрее наших? Что он, сильнее нас? Еще подумает, что мы боимся его! Поступим так: пошлем гонцов и предложим Манасу принять нас с войском для выступления в поход или приехать к нам со своими людьми. Приедет со своими людьми, разделим их, как гостей усадим в разных местах, расправимся с ними поодиночке, унизим, покажем, чего мы стоим. А пригласит к себе Манас, явимся с несметным числом людей, не сможет он достойно принять всех, под предлогом нарушения обычая гостеприимства разорим его, как заблагорассудится, с сообщением об этом». Принял гонцов Манас и дал ответ: пусть приезжают со своим войском не позднее сорока дней; опоздают, пусть знают, что будут наказаны. Ханы приняли приглашение, собрали по аилам людей и в назначенный срок приехали в ставку Манаса. Их повели к Бакаю, Алмамбету, к дружинникам-чоро, и самому Манасу не хватило гостей. Угощения были обильными и невиданными. Каждый за трапезой отведал диковинных яств, насытился с наслаждением.

После угощения Манас пригласил ханов и спросил, по какому делу они приехали к нему. Ответа не последовало, никто из них не посмел сказать, что прибыл сражаться с Манасом.

Тогда Манас предложил: «Вы прибыли с вооруженными людьми, с многочисленными дружинами. Давайте выступим против общего заклятого врага Конурбая». Никто не посмел возразить Манасу, ханы согласились. Манас предложил избрать хана общего войска, спросил, кто желает им стать. Ханы молчали. Манас посоветовал избрать ханом мудреца Бакая: с ним будет удача, он будет всем опорой, в темноте — укажет путь, в затруднениях — найдет выход. Вести же войско назначили Алмамбета, он знал все дороги в стране кытаев. Был устроен смотр войскам, оказалось тридцать раз по сто тысяч воинов. Манас объявил им о выступлении против грозного врага, о тяготах похода, и предложил тем, кто колеблется, возвратиться домой. Но никто не покинул войско. Каждому воину Манас распорядился выдать запасного коня, каждому отряду — вьючную лошадь и провиант.

Манас со своими дружинниками-чоро по совету Алмамбета направился навестить Каныкей, проститься с женой перед походом. Каныкей приготовила для всех походную одежду и дорожную пищу. Прощаясь, она обратилась со слезами к Алмамбету, заклиная его беречь Манаса, помогать ему во всем, ведь у него нет единоутробных братьев. Алмамбет же ответил, что Манас не одинок, с ним его народ и близкие родственники.

Манас и сорок дружинников-чоро последовали за войском. А воины, едва проделав великий путь, расположились на отдых, одни стали купаться в реке, другие варить пищу, третьи улеглись спать под навесом от солнца из одежды. Кто-то отправился на охоту, а кто-то ловить рыбу. Увидел это Алмамбет и, рассердясь, сказал Манасу: «Это не войско. Воины твои беспечны. С ними не дойдем до кытаев. В первом сражении многие из них погибнут. Освободи меня от похода, вернись домой». Манас не стал возражать Алмамбету, сам видел, в каком состоянии войско.

Он отправил посыльных в ставку Бакая с просьбой уступить сан хана войска Алмамбету. Бакай согласился, и Манас передал Алмамбету власть хана войска. Алмамбет созвал старейшин родов и племен и потребовал отчета о состоянии войска. Он устроил смотр всех сил, посчитал людей, разбил их на коши — десятки, сотни и тысячи, и назначил старших: десятников, сотников, тысячников. Предупредил старших под страхом лишения жизни об ответственности за каждого в десятке — счет должен быть точный. Затем он установил знаки: у сотни — стяг, у тысячи — сурнай, у десяти тысяч — керней, у сотни тысяч — знамя. Запретил Алмамбет без его ведома останавливаться на отдых, на ночевки. Навел он порядок, и войско выступило в путь.

Сорок дней и сорок ночей без остановок двигалось войско. Спали в седлах, ели походную пищу на ходу.

Совсем изнемог предводитель сорока дружинников-чоро Кыргыз. Он числился в десятке Бозуула, человека надменного и грубого. Обратился к нему Кыргыз с просьбой об отдыхе. Бозуул даже не дослушал его, заявил, что не станет перечить повелению хана войска. Возмутился Кыргыз:

— Так все войско погибнет. Этот Алмамбет и дня не дает передохнуть. Ты уже лучше убей меня, Бозуул, и сообщи Манасу о моей смерти, может быть, он поймет тогда, что войску нужен отдых.

— Помирай сам, если хочешь, — ответил Бозуул, — а меня не подставляй под гнев Манаса. Навьючу твой труп на твою же лошадь, а придет время, станем на отдых, отчитаюсь перед Алмамбетом: было десять — стало девять; один — Кыргыз, свинья, — подох.

Обиделся старик Кыргыз и пустился вскачь к Манасу. За ним — Бозуул с девятью воинами.

— Что ты наделал! Поставил над нами безродного калмака Алмамбета, замучил народ. Людям нужен отдых!

Манас посмотрел на измученного Кыргызла, усмехнулся:

— Ты почтенный старец, Кыргыз, не зачинай смуты. Возвращайся к своему десятку.

Тут подъехал Бозуул с воинами и с издевкой спросил:

— Ну что, получил разрешение на отдых?

Нечего было сказать Кыргызлу, стоял он растерянный.

Отъехал Манас, поднялся на вершину холма и в подзорную трубу стал обозревать войско. Увидел Манас: измучены воины, многие уже не держатся в седлах. Подумал богатырь, что, действительно, надо отдохнуть войску. Догнал Алмамбета и сказал ему:

— Народ устал, старик Кыргыз не держится на коне. Не дать ли отдых людям?

Не останавливаясь, Алмамбет ответил:

— Кто из нас хан войска, я или ты? Ссылаясь на Кыргыла, может, ты сам ослаб?

Устыдился Манас, досадовал, что послушал Кыргыла, и пустил коня следом за Алмамбетом.

Через два дня войско остановилось на отдых, Алмамбет отправился в разведку и понял, что дозорные кытаев заметили приближение кыргызов и поспешили сообщить об этом Конурбаю. Тогда Алмамбет заговорил погоду, и когда обмелела полноводная река Урхун (Орхон. — **А.С.**), войско переправилось. Через три дня езды достигли благодатного края — лес кругом, травы густы, источники. Первым делом был устроен смотр войску. Оказалось, что все на месте — тридцать раз по сто тысяч человек в целости и сохранности. Но когда последним стали считать кош Манаса, не досчитались одного человека. Допросили десятника Баймата. Он сказал, что считал себя десятым, и все до одного, кого получил под начало, здесь вместе с ним. Но оказалось воинов девять. Алмамбет приказал стражникам взять Баймата и обезглавить. Стражники потащили его в сторону, чтобы выполнить приказ. Но тут осенило Серека, одного из дружинников-чоро:

— Люди, подождите, проверьте, не числится ли Манас в коше Баймата?

Заглянул мулла в список, — точно, десятый у Баймата — Манас. Отпустили беднягу, перепуганный, он подбежал к Манасу:

— Господин мой, из-за тебя раб твой Алмамбет чуть не лишил меня жизни.

Усмехнулся Манас:

— Эх ты, непутевый! Если ты забыл обо мне, надо было сказать Сереку, чтобы он подождал и проверил списки после того, как с тебя сняли голову.

И громко засмеялся. Тогда и все войско захохотало, а растерянный Баймат стоял, моргая глазами.

По просьбе Манаса Алмамбет выбрал в сотоварищи дружинника Сыргака и взял запасным конем коня Аджи-бая Карткурена, способного вернуться по своему следу туда, откуда выехали на нем.

Когда Алмамбет отбыл в разведку, Ырчыуул подзадорил дружинника Чубака:

— Не тебя, а Алмамбета Манас направил в разведку, значит, ценит его больше тебя.

Простодушный, но вспыльчивый Чубак поднял воинов рода нойгутов и устремился за Алмамбетом, чтоб наказать его. Это увидел Бакай, находившийся в дозоре, и сообщил Манасу. Богатырь велел взять боевого коня Аккулу, одарить им Чубака, остановить его и спросить, в чем дело. Ведя на поводу Аккулу, Бакай подъехал к Чубаку, и тот остановился.

— В чем дело? — спросил Бакай. Чубак объявил:

— С детских лет верой и правдой я служу Манасу, но Алмамбет ему ближе. Он поставил ханом войска его, безродного, а не Чубака, сына хана Акбалты.

— Сын мой, послушай, что я тебе скажу, — обратился к нему Бакай, — птицу крылья держат в полете, а садится она при помощи хвоста. Слава Манаса зависит от меня, от тебя, от всех нас; если мы не будем сплоченными, станем ссориться и враждовать друг с другом, не устоять нам, будь мы даже

слонами. Разобьют и победят нас. Алмамбет верно служит кыргызам, верно исполняет твое и мое дело. Недоброе затеял ты. Помни всегда: волки задержат одинокого. Худая молва пойдет по свету о том, что кыргызы разобщены, нет у них единства и согласия, и станет народ жертвой врагов. Должен ты понять эту истину.

Подъехал к ним Манас, ему Чубак высказал свою обиду. Манас сказал:

— Ну, если хочешь ехать в разведку, поехали вместе. Догоним Алмамбета и Сыргака.

Они тотчас поскакали, а нойгутов, готовых ехать с Чубаком, Бакай остановил грозным окриком и отправил в расположение войск.

Вскоре догнали Манас и Чубак разведчиков. Алмамбет догадался, что они прибыли неспроста, что Чубак затеял ссору.

— Почему ты с младшим братом Чубаком погнался за нами? Или не доверяешь? — спросил Алмамбет Манаса. — А ты, Чубак, винишь меня за то, что служу верой и правдой народу?

Стал укорять он Чубака, но тот, осознав вину, не проронил ни слова. Манас, чтобы отвлечь Алмамбета, попросил его рассказать о земле и народе кытаев. Забравшись на вершину горы Талчоку, обозревали они в подзорную трубу страну кытаев, и Алмамбет поведал историю своей жизни. С интересом выслушав его, Манас заявил о том, что тоже поедет в разведку.

Аккула был оставлен Чубаком там, где его подарил Бакай, и Манас восседал на худом коне.

— Возвращайся, — сказал ему Алмамбет, — конь твой плох.

Манас возразил:

— От смерти не конь спасает. Жизнь и смерть во власти Всевышнего.

Дальше поехали вчетвером, но вскоре разделились и вперед подались Алмамбет с Чубаком, чтоб собрать сведения о приготовлениях кытаев. По дороге встретил их одноглазый великан Мокел, посланный Конурбаем. В сражении с Алмамбетом и Чубаком великан Мокел лишился единственного глаза.

Снова соединились все четверо, продолжили путь и остановились у крепостных стен. Алмамбет и Сыргак обманным путем проникли в город. Увидел Алмамбет разрушенный дворец, где он когда-то жил, обнял высокую чинару, которую когда-то посадил, и не сдержал слез, жалуясь на судьбу скитальца.

Выбравшись из города, Алмамбет и Сыргак увидели на пастбищах бесчисленные косяки лошадей, истребили табунщиков, угнали скот. Жеребец Карткурен увел табуны к кыргызам.

Главарю табунщиков Карагулу, однако, удалось спастись, и он сообщил Конурбаю об угоне табуна. Конурбай снарядил погоню за Алмамбетом и Сыргаком. Укрываясь за завесой пыли, поднятой лошадьми, Алмамбет и Сыргак внезапно нападали на кытаев, били их поочередно, прибегая к приему боя, известному под названием «одинокой собаки».

А Манас и Чубак томились в ожидании вестей от Алмамбета и Сыргака. «Поднимись на холм, — сказал Манас Чубаку, — понаблюдай, а я вздремну». Лег Манас на срубленные молодые ветви и уснул. Когда же Чубак увидел клубы пыли, поднятые табунами, Алмамбета и Сыргака, преследуемых многочисленным отрядом кытаев, то поспешил разбудить Манаса. Стал его тормошить,

кричать, а тот себе похрапывает. Отчаявшись, Чубак приподнял панцирь, взял пику, вскочил на коня, разогнал его и с ходу ударил Манаса в бедро. Он проснулся и спокойно спросил:

— Что случилось? Чего это ты ударил меня пикой?

Закричал Чубак:

— Разве время спать?! Идет на нас грозный враг, под ним земля дрожит! Алмамбет и Сыргак, будь они неладны, угнали табуны у кытаев, погоня за ними приближается к нам!

Манас остановил его:

— Чего впадать в панику, впервые, что ли, видишь врагов? Придут — будем биться!

Успокоился и восхитился Чубак выдержкой Манаса, воскликнул:

— Имя ему Манас, и сам он — Манас и речь у него Манаса!

Четверо богатырей вступили в бой, став на пути врагов. Стрелы летели, падали, подобно дождю, и сдержали богатыри натиск кытаев. Алмамбет приказал Сыргаку:

— Поезжай, дай весть нашим войскам!

Не жалея коня, помчался Сыргак к своим. А Бакай, не имея вестей от богатырей, выехал на дорогу, вглядываясь вдаль. Мимо него, не замечая, пронесся Сыргак.

— Что это с ним? — возмутился Бакай. Догнал Сыргака и тупым концом пики сильно ударил его. Тут только Сыргак и увидел Бакаю, опешил и все повторял:

— Аба, аба...

Огрел его Бакай плетью по голове:

— Совсем ты рассудка лишился, слова путного не можешь сказать!

КОНУРБАЙ

Сыргак пришел в себя и рассказал Бакаю, как отбили они табуны у кытаев и в каком положении оказались. Бакай дал совет Сыргаку:

— Не говори о многочисленном войске кытаев, преследующем богатырей, чтоб не повернули ханы коней. Скажи о табунах. Скажи, что Манас велел воинам приехать и взять свою долю от добычи.

Услышав о добыче, кыргызское войско поднялось и поспешно двинулось навстречу врагам.

После отъезда Сыргака трое богатырей стали отходить с боем вслед за табунами и подошли к реке Иткечпес. Когда переправлялся Манас, поток сбил его коня Айбанбоза и вместе с ним всадника, понесло их быстрое течение реки. Это увидел наблюдавший за ним Конурбай, пристроился в узком месте реки и с берега ударил копьем, целясь Манасу в глаза. Манас на лету схватил копьё. Хан кытаев уклонился от схватки и, оставив копьё, спасся бегством. С копьем в руке Манас выбрался на берег и воскликнул: «Куда же пропали кыргызы!» А в это время отряды кыргызов уже вступали в бой с врагами. Мудрец Бакай подал Манасу, держа за повод, коня Аккулу. Богатырь Манас, словно слиток золота и серебра, могуч, как опора,

держащая небо, стоит он, сильный, потому что земля крепка. Сел Манас на могучего Аккулу, скакуна со счастливой отметиной, с ушами, как свечи, сотворенного из вихря, сел и взял в руки знаменитую пику Сырнайзу, сделанную великим мастером из золотистого тростника, проклеенного сухожилиями. Это была пика! Дивились те, кто видел ее. Пронзала она тело врага, сгибалась, но не ломалась.

Меч Манаса был окрашен в двенадцать цветов, булатный наконечник, подобный острию волчьего языка, был отравлен смертельным ядом. Вынул Манас из ножен меч свой Ачалбарс. Когда ковали его, для кузнечных мехов закололи сотню быков и выделали крепкие шкуры, леса перевели на угли, а источники иссушили при закалке. Сорок шесть мастеров-оружейников изнемогли, когда ковали меч. Алым огнем светился меч в темноте. В бою сам собой удлинялся меч, рассекал он камни, от удара его слетала голова врага. Когда богатырь Манас начинал сражение, впереди его сопровождал страшный дракон, позади рыскал сивогривый волк, слева выступал полосатый тигр, справа — гривастый лев, а сверху стерег орел-великан. Сорок духов — чилтенов окружали его, извергая пламя и дым. Одних врагов, кто ближе, разил Манас мечом, других, кто дальше, доставал пикой, никто не мог спастись от него. Сошлись два войска. Началось кровавое сражение. Пика на пику, меч на меч, а кто имел луки, пускал стрелы, а кто владел ружьем — стрелял из ружья. Секиры вонзались в тела, булавы крушили головы. Уши глохли от шума. Пыль поднялась столбом, скрыла солнце. Оскалившись, валялись мертвые кони. В беспорядке лежали мертвые воины, топорщились их усы. Манас был в центре битвы и настиг Конурбая, тот не выдержал грозного натиска и отступил, показал спину. Манас прицелился выше золотого пояса и ударил пикой. Упал на загривок коня Конурбай, потерял опору в стремях, вот-вот свалится из седла, но донес его обученный конь Алгара до стен крепости и перескочил через шестьдесят сажений, а конь Манаса остановился под высокой стеной. Упустил Манас Конурбая, сожалел, повернул коня. Конурбай под прикрытием стены сполз с седла без чувств.

Поредевшее войско кытаев, лишившись своего богатыря, обратилось в бегство. Спаслись укрывшиеся за крепостной стеной. Остальные попали в плен.

Три дня и три ночи лежал Конурбай без чувств. Когда пришел в сознание, отправил верховному хану кытаев Эсенкану донесение о поражении и осаде. Эсенкан собрал совет мудрецов, на котором решено было мириться с кыргызами, отослав им дары. Преподнес Эсенкан Манасу сокровища, отправил тысячу красавиц и дочь свою Бурулчу. Был посажен Манас на престол Чет-Бейжина. С богатой добычей возвратились кыргызы. Манас же со своим окружением пребывал в Чет-Бейжине. Тут и случилась беда. При помощи прислужника Шуйкучу Конурбай выбрал момент, чтобы напасть на Манаса безоружного, без доспехов. Когда Манас в поклоне совершал азан — утреннюю молитву, он подкрался, ударил секирой по шее и сбежал. С малочисленным отрядом тяжелораненый Манас выехал на родину. В жестоких стычках с воинами Конурбая погибло немало сподвижников Манаса.

Пуля стрелка Кожожаша настигла Алмамбета, был сражен Сыргак, пропал без вести тяжело раненный Чубак. И конь Манаса — могучий Аккула был убит в бою. Манас добрался до Таласа в тяжелом состоянии. С каждым днем ему становилось все хуже, он уже не поднимался с постели и кашлял кровью. При нем неотлучно была Каныкей. Она понимала, что конец близок, и завела речь о завещании. И сам Манас, почувствовав приближение смерти, пригласил Бакая. Им он завещал: «Когда муж умрет, — тяжело дыша, сказал Манас, — ближе своих родственников нет никого у вдовы. Возьми сына, грудного младенца Семетя, и отправляйся к родителям, к отцу. Отдай малыша на воспитание своему младшему брату Исмаилу. Останки мои похорони скрытно, чтобы посторонние не знали, где они лежат, и враги не надругались над ними». Каныкей стала готовиться к смерти своего господина. Велела зарезать шесть тысяч холощенных козлов и на их жире изготовить кирпичи для будущего мавзолея Манаса. Из страны на краю света Жельпениш пригласила семьдесят силачей и приказала вырыть в скалах черной горы Эчкилик склеп для сокрытия тела Манаса. Когда закрылись глаза Манаса, Каныкей пригласила Кошоя, Туштюка и других известных ханов — друзей и сподвижников Манаса, и они похоронили его тайно в склепе на горе Эчкилик, а в мавзолее положили деревянную куклу, похожую на человека, которую сделал Бакай. Кыргызы были в трауре. Каныкей по обычаю распустила волосы, исцарапала лицо, села перед куклой — изображением умершего, и горько оплакивала своего господина.

Стоял великий плач.
Плакал народ.
Плакали ивы.
Плакали травы,
Источала слезы черная земля,
Гудели недра.
Наступил черный день.
Выла день и ночь
Гончая собака Манаса Кумайык.
Вьючный верблюд Желмаян
Улегся на землю и не вставал.
Сокол Ак-шункар
Порвал путлища и улетел.
Конь Тайбурул не щипал травы.
Плач стоял день и ночь.

*(Великий кыргызский эпос «Манас» — краткий пересказ содержания.
— Бишкек, 1999. Т.1: Манас. С.105—154).*